

ХРОНИКА

Шестидесятилетие академика Василия Васильевича Струве

Когда в мае 1928 г. на заседании Ученого совета Ленинградского государственного университета происходила защита диссертации Василия Васильевича Струве, один из его официальных оппонентов проф. Е. Г. Кагаров огласил адресованное ему письмо покойного академика Б. А. Тураева, которое он бережно хранил около двух десятков лет. В этом письме Б. А. Тураев сообщает, что среди его учеников особенно выделяется студент В. В. Струве, проявляющий педюжинные способности и подающий большие надежды.

Прогноз академика Тураева оказался верным. Еще при жизни своего учителя В. В. Струве проявил себя как талантливый исследователь прошлого восточных народов. Он в совершенстве овладел древнеегипетским, древнееврейским и коптским языками. В дальнейшем он уделяет много времени изучению ассирио-аввилонской, персидской и хеттской клинописи и достигает больших успехов в этой области. Прекрасное знание классических языков, заметное уже в первых работах В. В. Струве, также в немалой степени способствовало овладению первоисточниками по истории Египта и других восточных стран, среди которых видное место занимают авторы, писавшие на латинском и, особенно, древнегреческом языке, не говоря уже о многочисленных греческих папирусах, содержа-

ших драгоценные сведения об эллинистической и римской эпохе. Таким образом, В. В. Струве, уже приступая к своим первым самостоятельным исследованиям, имел солидную филологическую подготовку, необходимую для историка древнего Востока.

Первая печатная работа В. В. Струве, очень скромная по своим размерам (всего 4 странички), была посвящена одному из коптских папирусов, предоставленному ему для изучения его учителем Б. А. Тураевым. На следующий год он опубликовал более обширную работу, посвященную двум замечательным египетским статуям из сиенского гранита, привезенным в Россию в 1832 г. и украшающим набережную Невы («Петербургские сфинксы»). В этой статье он специально останавливается на переводе и объяснении покрывающих их надписей, дающих возможность датировать их временем Аменхотепа III (1455—1419 до н. э.). Эти две ранние работы источниковедческого характера явились как бы первой пробой сил молодого ученого.

В. В. Струве выделялся среди учеников академика Тураева не только своими способностями, но и характером своих интересов. Академик Тураев, а вслед за ним и большинство его учеников, увлекаясь вопросами древневосточных религий, их связями с христианством и, в частности, с православием, отодвигали на второй план материалы по социально-экономической истории стран древнего Востока. В. В. Струве вразрез с интересами своего учителя уже в первых своих работах переходит к проблемам изучения экономики и социальных отношений. В 1913, 1915 и 1917 гг. он публикует три статьи, в которых на основании юридических документов дает блестящую характеристику социально-экономических отношений Птолемеевского Египта. В одной из этих работ («Право владения землями пахотными и виноградными в Птолемеевском Египте») В. В. Струве решился выступить против столпа дореволюционной русской науки М. И. Ростовцева, а также против известного немецкого папиролога У. Вилькена. В споре с этими «непрекаемыми» авторитетами молодой, начинающий ученый убедительно доказал, что частичное землевладение в Птолемеевском Египте возникает одновременно в пределах садовых и пахотных земель.

Затем В. В. Струве посвящает две работы («Пребывание Израиля в Египте в свете исторической критики», Птгр., 1919, и «Израиль в Египте», Птгр., 1920) спорному и запутанному вопросу о переселении Израиля в Египет. Эти работы вызвали серьезные возражения, и самый факт пребывания израильтян в Египте подвергался сомнению, например, со стороны проф. А. Б. Рановича и др. Однако несомненным остается, что В. В. Струве мобилизовал весь доступный современной науке материал, широко привлек не только библейские, но и египетские источники и сделал целый ряд тонких и остроумных наблюдений. Уже во время этой работы В. В. Струве старался по возможности использовать и клинописные тексты.

Интерес к социально-экономическим проблемам заставляет В. В. Струве обратиться не только к изучению египетской истории, но и к историческим проблемам всего древнего Востока. Поэтому в последующие годы он все более и более переключается на изучение памятников Двуречья и, оставаясь в основном египтологом, в то же время проявляет себя и как ассириолог.

В 1921 г. он помещает в «Известиях РАИМК» небольшую статью под многообещающим заглавием «Сенаар и Египет». Читателя этого исследования всегда поражает обилие наблюдений и выводов, сосредоточенных на шести скромных страничках. В. В. Струве устанавливает сходные черты в культе сумерийского бога Энки и египетского бога Сокара (роль ладьи, украшенной изображением головы антилопы). Затем, переходя к анализу эрмитажного папируса 1116 A, recto, В. В. Струве находит в этом египетском литературном произведении намек на миф, параллельный знаменитому вавилонскому мифу о борьбе Мардука с Тиамат. Мимоходом В. В. Струве отмечает другие характерные черты в изучаемом памятнике: представление о добром пастыре, позднее столь часто встречающееся в библии, и антропоцентричность мироздания, также находящую себе библейские аналогии.

В. В. Струве избегает изолированного изучения идеологии восточных стран, ищет общих явлений и при этом, в отличие от популярной в буржуазной науке теории заимствований, делает упор на «сходство условий», в которых развивались различные народы древнего Востока.

В другой своей работе, помещенной в следующем томе «Известий РАИМК» («К истории патесиата Гишху»), В. В. Струве берется за разработку очень трудного вопроса хронологии Двуречья в эпоху III династии Ура и устанавливает на основании клинописных табличек собрания Лихачева даты правления патеси города Гишху (Уммы.)

Из важнейших ранних работ В. В. Струве, опубликованных им за первые 15 лет научной деятельности, в достаточной мере видно, насколько широко затрагивает он самые различные проблемы, связанные с далеким прошлым Востока. Хронологически он охватывает восточные памятники от III тысячелетия до н. э. вплоть до греко-римской эпохи включительно (привлекая отчасти даже памятники средневековья). Он вовлекает в орбиту своего изучения и Египет, и Двуречье, и Палестицу. Экономика, юридические нормы, история культуры, вопросы хронологии — все это находит свое место на страницах его работ. Он избегает какого-либо ограничения своей тематики, стремясь охватить все стороны жизни древневосточных стран.

Однако одна проблема привлекает особенно его внимание и на некоторое время оказывается в центре его научно-исследовательской работы — изучение труда Манефона. Уже в своем исследовании «Израиль в Египте» В. В. Струве коснулся домыслов Манефона и установил, что по данному вопросу они оказались [произвольными и противоречивыми. В дальнейшем В. В. Струве подвергает проверке труд Манефона в целом и, продолжая вскрывать некоторые ошибки, в которых часто повинны позднейшие интерполяторы, находит паряду с этим целый ряд ценных сведений, особенно хронологических, которые не были оценены по достоинству современными буржуазными историками — Эд. Мейером, Д. Г. Брестедом и другими. Если для воссоздания хронологии Древнего царства Манефона использоваться нельзя (он дает преувеличенные цифры для каждой династии), то, начиная со временем Среднего царства, эллинизированный египетский жрец сохранил точные сведения, полученные из египетских источников, недоступных до него грекам. Произвольные выкладки Брестеда и Эд. Мейера оказываются излишними. Пренебрегаемый ими Манефон дает нам возможность гораздо точнее воссоздать хронологическую канву Среднего и Нового царства и последующих периодов.

В результате упорного многолетнего труда В. В. Струве подготовил интересную диссертацию, посвященную всестороннему разбору царских списков Манефона, которую он с успехом защитил в мае 1928 г. Официальные оппоненты проф. И. Г. Франк-Каменецкий и проф. Е. Г. Кагаров дали высокую оценку научно-исследовательской деятельности В. В. Струве в целом и его диссертации в частности. Подводя итоги своего исследования, В. В. Струве отметил следующие методы работы, которых он придерживался: 1. Все филологические и лингвистические вопросы, стоящие в связи с изучением исторического труда Манефона, решались автором не изолированно, а в связи с общим комплексом вопросов, которые ставит изучение крупного исторического памятника. 2. Дошедший до нас текст Манефона сопоставлялся со свидетельствами современных памятников не отдельными вырванными из общего контекста частями, а во всем объеме, с полным учетом всех особенностей контекста.

Основные выводы автора были сформулированы в следующих тезисах:

1. Антииудаистические выпады, которые содержат некоторые из экспертов, приписываемых перу Манефона, писателя эпохи раннего эллинизма, резко противоречат общему иудофильскому настроению этой эпохи. Поэтому является вероятным предположение, что эти эксперты, со столь «несовременными» антииудаистическими выпадами, приписываемые Манефону, в действительности не принадлежат ему, а являются позднейшими вставками.
2. Севеннитский ном, родина Манефона, был географически и политически тесно связан с северо-восточными номами Дельты и культурно был связан с Эфиопией. Ввиду этого мы можем предположить в труде Манефона наличие симпатий и к северо-восточным номам Дельты и к Эфиопии.
3. Манефон родился в Севеннитском номе, но не в его главном городе Севенните, а в *Diospolis inferior*, в семье иерограмматов.

4. Манефон родился в эпоху XXX династии и был деятелем царствований Александра Македонского и Птолемея I.

5. Манефоп, будучи писателем позднесаисской эпохи, мог еще знать прошлое своего народа, ибо ни персидское, ни македонское завоевания не уничтожили традиции древней сакральной культуры страны.

6. Царь Менофес, при котором, согласно Феону, в 1322 г. совпали год гражданский и год Сириуса, был не кем иным, как знаменитым царем Сети I — Менофес. Названное свидетельство Феона восходит к Манефону.

7. Знаменитая Таписская стела 400 г. стоит в связи с календарной реформой, имевшей место в эпоху гиксосского завоевания. Позднеэллинистические свидетельства об этой реформе восходят в конечном итоге к Манефону.

8. Храмовые и гробничные царские списки (Карнакский, Абидосский, Санкарский) являются списками случайных царских жертвователей данного храма или некрополя. Царский Туринский папирус является копией, сделанной частным лицом, царского канона одной из храмовых библиотек. Царские списки Манефона восходят к анналам Саисской эпохи.

9. В греческой передаче Манефоном египетских собственных имён можно видеть следы языка образованных слоев.

10. Традиция Манефона является ценной и для нашего знания древних царских имён и для нашего знания порядка следования царей.

11. Хронологическая схема Манефона распределяет события египетской истории в пределах 2 периодов эры Сотиса с добавлением 990 лет.

12. Хронология Манефона Нового царства исправляет в ряде существенных пунктов хронологические построения современных исследователей.

К сожалению, исследование В. В. Струве, посвященное Манефону, о котором дают общее представление вышеупомянутые тезисы, до сих пор полностью не было напечатано. Лишь две первые главы его были помещены в «Записках коллегии востоковедов» (за 1928 и 1930 гг.) и отдельные отрывки — в других изданиях.

Углубляясь в изучение различных исторических проблем древнего Востока в целом, В. В. Струве неизбежно подходит к решению важнейшей задачи советской историографии — к решению вопроса о социально-экономической формации древнего Востока. Мы видели, что интерес к подобным проблемам намечался уже у молодого исследователя в начале его научно-исследовательской деятельности еще до 1917 года. Однако только после Великой Октябрьской социалистической революции, когда в советскую историографию все больше проникал и утверждался метод марксистско-ленинской диалектики, В. В. Струве смог по-новому подойти к основной проблеме, стоявшей перед советскими востоковедами.

В 1930 г. начинается новый этап его научно-исследовательской работы. Он отдаёт все свои силы изучению социально-экономической структуры древнего Востока и становится на единственно правильный путь разрешения основной проблемы истории восточных стран, применив к конкретному материалу принципы марксистско-ленинской диалектики.

В. В. Струве самым тщательным образом собирает и изучает все высказывания Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина о социально-экономических формациях и в свете этих указаний по-иному оценивает давно знакомые факты и явления, замечая те черты, на которые ни он, ни другие востоковеды прежде не обращали внимания. Дело не обошлось на первых порах без ошибок. Надо иметь в виду, что в буржуазной науке господствовало представление о феодальном характере древневосточных обществ, и под влиянием иностранных авторитетов вроде Эд. Мейера многие советские учёные не могли себе представить Египет и Вавилон иначе как феодальные государства. В противовес этим общепринятым взглядам была выдвинута теория особой азратской формации, возможной лишь в специфических условиях Востока, следовательно, отнюдь не универсальной.

В. В. Струве отдал в свое время дань и той и другой теории, которые господствовали в советском востоковедении, но вскоре систематическое и творческое освоение трудов основоположников марксизма помогло ему встать на правильный путь. Он пришел к

мысли, что первой формой классового общества могло быть только рабовладельческое общество и что между древневосточным и античным миром не было качественного различия, они представляли собой лишь различные типы рабовладельческих обществ (на Востоке были примитивные рабовладельческие государства, в Греции и Риме — развитые). Египетское, вавилоно-царское, хеттское и другие восточные государства являлись раннеклассовыми, примитивно-рабовладельческими, со значительными пережитками первобытнообщинного строя. Всякое иное понимание далекого прошлого Востока неизбежно должно было привести всякого исследователя к переходу на позиции буржуазного циклизма, к капитуляции перед реакционными теориями буржуазных учепых. Изучение подлинных клинописных и иероглифических документов приносило все новые и новые подтверждения марксистско-ленинского понимания первых стадий развития общества.

Но прежде чем это единственное научное понимание утвердилось, В. В. Струве пришлось выдержать упорную и длительную борьбу. Сила косной традиции была велика, и многие советские исследователи упорно цеплялись за «феодальную догму». Однако В. В. Струве, возглавивший цараболее передовых историков Востока, привлекал все новые и новые факты, доказывающие рабовладельческий характер древневосточного общества. В своей статье «Рабовладельческая латифундия в Сумири III дин. Ура» он установил значительную роль рабского труда по сравнению с наемным и полное отсутствие труда крепостных. Эти выводы были сделаны на основании детального анализа подсчетов древних писцов южного Двуречья.

В 1934 г. он выступает в ГАИМК с докладом на тему «Проблема зарождения, развития и разложения обществ древнего Востока», напечатанным в 77 выпуске «Известий ГАИМК». В том же году выходит его брошюра «Очерки социально-экономической истории древнего Востока», посвященная анализу социальных отношений в южном Двуречье и Хеттском царстве, а затем краткий курс истории древнего Востока, в котором дается характеристика основных этапов развития различных восточных стран в эпоху рабовладения.

Отдельным наиболее ярким моментом социальной истории Востока В. В. Струве посвящает специальные исследования. Так, в своей брошюре «Речение Ипувера» (1935 г.) он дает блестящий анализ восстания бедняков и рабов в Египте, описанного в Лейденском папирусе № 344, и относит это событие (вопреки теориям Эрмана и Морэ) к концу Среднего царства.

Несколько работ В. В. Струве посвящает характеристике хеттского общества. В статье «Параграф 34 и 36 хеттского судебника» (ВДИ, 1937, № 1) выявляются жестокие формы угнетения рабов в Малой Азии еще во II тысячелетии до н. э. Продолжением этой работы служит статья «О «гуманности» хеттских законов», в которой подвергаютсяному разгрому расистские теории Эд. Майера о человеческой «индогерманской хеттского народа» в отличие от семитов-аввилонян. В. В. Струве вскрывает классовые принципы хеттского законодательства, милостивого к свободным и беспощадного к рабам.

В. В. Струве систематически избегает проторенных путей и всегда стремится к самой тщательной проверке гипотез, отстаиваемых выдающимися египтологами капиталистических стран. В работе «К вопросу о Тутмосидах» (в сборнике в честь Н. И. Кафеева, 1923 г.) В. В. Струве вступает в решительную борьбу с корифеем немецкой египтологии К. Зете и крупнейшим американским египтологом Д. Г. Брестедом. К. Зете попытался обосновать свою теорию о Тутмосидах, по которой Тутмос III превратился в брата Тутмоса II и вступал на престол два раза, сперва отстранив своего отца Тутмоса I, затем, будучи вынужденным вернуть ему власть после смерти обоих своих тезок (отца — Тутмоса I и брата — Тутмоса II), опять провозглашался фараоном совместно с Хатшепсут. Под впечатлением от этой работы Зете, основанной на умствованиях, большинство египтологов (в первую очередь Брестед) стали говорить о новой главе, вписанной в египетскую историю. В. В. Струве показал, что все построение Зете и Брестеда является совершенно искусственным, основанным на произвольном толковании выражений, которые приобретают совсем иной смысл, если их не подгонять к готовой схеме, созданной заранее немецким египтологом.

Другим вопросом, по которому В. В. Струве разошелся с общепризнанными взгляды-

ми, был вопрос о характере одного из важнейших памятников социально-экономической истории Египта — большого папируса Гаррис. В. В. Струве в двух своих работах¹ опровергает точку зрения главы немецкой египтологической школы Адольфа Эрмапа, считавшего данный документ заупокойным текстом. В. В. Струве удалось доказать, что большой папирус Гаррис является манифестом, оглашенным от имени фараона Рамесса IV (по прежней нумерации III) его сыном и преемником Рамесом V. Этот манифест, как выяснил В. В. Струве, хранился ряд лет в царском архиве (во дворце в Мединет-Абу) и лишь позднее оказался в тайнике, где он был найден местными жителями и попал в частную коллекцию Гарриса, а позднее в Британский музей.

Все эти наблюдения и открытия, сделанные в многочисленных статьях, разбросанных в различных изданиях, были впоследствии сконцентрированы в обобщающем труде В. В. Струве, учебном пособии для вузов «История древнего Востока». Первое издание этой книги (1936 г.) вызвало оживленную полемику и немало критических замечаний по отдельным вопросам, хотя основной тезис автора о рабовладельческом характере древневосточного общества уже не вызывал серьезных возражений, как за три года до того. Второе издание этого пособия, вышедшее в 1941 г., значительно переработано. Отдельные неточности и спорные формулировки, вызывавшие возражения критиков, были устранены. Рецензент нового издания проф. А. Б. Ранович признал, что настоящий труд акад. В. В. Струве означает серьезный шаг вперед, что «в основу изложения истории древнего Востока в книге акад. В. В. Струве положено марксистско-ленинское учение об общественно-экономических формациях», отбрасываются антинаучные теории и «благодаря этому история древнего Востока превращается из случайного сцепления фактов, каким она является в трудах буржуазных ученых, в осмысленный, закономерный исторический процесс» (ВДИ, 1946, № 1, стр. 178).

Ко времени появления второго издания «Истории древнего Востока» теория «вечного феодализма» на Востоке была уже окончательно ликвидирована в советской науке.

* * *

Во всех своих работах В. В. Струве всегда исходит из анализа текста, перевод которого он проверяет и уточняет. Знание древних языков и овладение методом передовой советской лингвистики на основе учения академика Н. Я. Марра о языке — позволяют В. В. Струве давать точные и четкие переводы древневосточных, в первую очередь египетских, текстов. Не случайно поэтому, что В. В. Струве придает такое значение изданию первоклассных памятников советских коллекций, хранящихся в Гос. Эрмитаже в Ленинграде и Гос. музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве. Он обращает внимание на один из папирусов Московского музея изобразительных искусств — так называемый «Голенищевский папирус-словарик». Этот текст, выполненный весьма неразборчивыми иератическими письменами, требовал для своего освоения знания всех тонкостей египетской палеографии, большого терпения и творческой интуиции. В. В. Струве удалось разобрать значительную часть этого энциклопедического словаря (одного из самых древних в мире) и, что особенно важно, установить место его происхождения (Мемфис) и время составления (XII в. до н. э.). Особое внимание В. В. Струве обратил на список городов, на основании которого оказалось возможным установить пункт вторжения ливийцев в Египет в конце XIX династии (у поселения Иришепс). О своих наблюдениях и выводах В. В. Струве сделал доклад 17 августа 1922 г. на первом всероссийском съезде египтологов в Москве, посвященном 100-летнему юбилею дешифровки перглифов.

В связи с изучением этого вопроса В. В. Струве вплотную подошел к очень важной проблеме о культурных взаимоотношениях египтян и семитических народов. В Голенищевском словарике он нашел множество семитических слов, влившихся в египетский язык в период XIX—XX династий, и само составление этого справочника объяснялось желанием ознакомить читателей с новыми терминами. Однако происходило и обратное влияние, на которое он обращает внимание в небольшой книжке «Происхождение алфавита»

¹ «Наблюдения над большим папирусом Гаррис», ЗВК, 1925; 1926, № 1—2.

(1923 г.). Путем длительного и тщательного анализа ему удается установить, что фишикийский алфавит не имеет ничего общего с клинописью, но обнаруживает много сходных черт с 24 египетскими знаками, передающими отдельные звуки. У египтян они не играли самостоятельной роли, но употреблялись в комбинации со слоговыми знаками и идеограммами. Фишикине отбросили весь этот балласт и сохранили только небольшое число алфавигтических знаков. Промежуточным звеном, связывающим египетскую и фишикскую письменность, являются надписи, найденные на Синайском полуострове.

В 1925 г. он публикует исследование, посвященное Эрмитажному папирусу 1116 b. recto (Пророчество Нофреху), содержащему интереснейшие данные, важные для социальной истории Египта. Сопоставляя их с фактами, почерпнутыми из других источников, В. В. Струве прослеживает изменяющееся на протяжении веков положение группы недзесов («маленьких»), сперва слабой и угнетаемой, а затем выдвинувшейся в борьбу со знатью.

Следующей серьезной задачей, которую поставил перед собой и выполнил В. В. Струве, было изучение и издание Московского математического папируса — драгоценного для истории мировой культуры документа, хранящегося в Гос. музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Еще акад. Б. А. Тураев заинтересовался этим памятником и дал предварительную транскрипцию большей части его. В. В. Струве продолжил и завершил работу своего учителя. Он не ограничился полной транскрипцией и переводом иератического текста, но дал подробный и тщательный анализ каждой задачи. Благодаря этому исследованию стало ясно, что математические познания древних египтян были гораздо выше, чем обыкновенно считают. Так, например, отношение окружности к диаметру они исчисляли сравнительно точно (3, 16, то есть с ошибкой всего в две сотых), решали задачу о поверхности шара, вычисляли объем усеченной пирамиды и т. п.

Кроме того, В. В. Струве использовал математический папирус как источник по изучению экономики и быта древнего Египта. На основании некоторых арифметических задач он установил соотношение ценности двух основных для Египта злаков — ячменя и эммера, проследил процесс изготовления пива из смеси полбы и фиников, его крепость по сравнению с ячменным пивом, изготовление суррогатных алкогольных напитков и т. д. Для разрешения этих вопросов пришлось привлечь обильный параллельный материал и делать значительные филологические и исторические экскурсы. Так, В. В. Струве удалось дать более точное определение египетского слова *bš'*, которое переводилось то как «смоква» (Эрман), то как «ячмень» (Монте). Он выяснил, что *bš'* является одним из видов пшеницы, скорее всего полбя. Другим вопросом, который невозможно было обойти, был вопрос о влиянии шумерского и вавилонского хозяйства на Египет. В. В. Струве, стоя на базе яфетиологии, дал решительный отпор теории Б. Грозного, преувеличивающего экономическую и культурную роль Двуречья.

Умелое применение принципов передовой советской лингвистики для разрешения историко-литературных проблем можно наблюдать в последующих работах В. В. Струве, например, в статье «Иштар-Исольда» в древневосточной мифологии и особенно в исследовании «Эпос Гомера и круг сказаний о царе Петубастисе». В. В. Струве решительно выступает против злоупотребления теорией заимствований популярных сюжетов. Он доказывает произвольность сопоставлений египетского эпоса о междуусобных войнах князей Дельты с библией и «Илиадой», которые делает немецкий египтолог Шпигельберг. На целом ряде убедительных примеров В. В. Струве показывает, что поэдики издавна описывались в египетской художественной литературе, задолго до знакомства с греками и греческой поэзией и в заключение призывает искать причину сходства фольклорных сюжетов «не во влиянии греческого эпоса, а в одинаковых социальных условиях»¹.

В последние годы В. В. Струве уделяет особое внимание истории древнего Ирана. В своих исследованиях, посвященных далекому прошлому Ирана, он стремится свлечь проблемы истории древнего Востока с историей нашей родины, в частности вскрывает значительную роль народов Средней Азии в социальных движениях и культурном развитии державы Ахеменидов.

¹ Язык и литература, 1929, IV, стр. 122.

В статье «Поход Дария I на саков-массагетов» В. В. Струве выступает против традиционного взгляда на Бехистунскую надпись в той ее части, где речь идет о походе Дария I на европейских скифов, о котором рассказывает Геродот. В. В. Струве благодаря тщательному анализу и глубокой интерпретации спорного места вскрыл полную ошибочность этих общепринятых домыслов. Он установил, что гораздо ближе к истине был русский востоковед В. В. Григорьев, который еще в 1871 г. сопоставил V столбец Бехистунской надписи с повествованием позднего классического автора Полиена о подвиге сакского табунщика Сирака, и на этом основании высказал предположение, что в Бехистунской надписи речь идет о саках Средней Азии. Работа В. В. Григорьева в свое время осталась незамеченной, и западноевропейские иранисты совершенно игнорировали ее. В. В. Струве впервые отдал должное проницательной интуиции незаслуженно забытого русского ученого прошлого века и подробно развел и обосновал его точку зрения, внеся, конечно, исправления и уточнения в соответствии с уровнем современной науки. В. В. Струве установил, что саки, против которых выступил Дарий I в 517 г., жили на восток от Аральского моря, что они тождественны тем массагетам, в борьбе с которыми погиб Кир, что Дарий восстановил мост, наведенный в свое время Киром, переправился через Аму-Дарью и вторгся в глубь Средней Азии. В связи с этим В. В. Струве вносит коррективы и к обычному толкованию Накширустамской надписи. «Саки, которые за морем», упомянутые в ней, оказываются опять-таки среднеазиатскими саками, живущими за Аральским морем, а не скифами, обитающими за Черным морем. К утверждению Бехистунской надписи о полном успехе Дария I В. В. Струве относится критически. «Поход был далеко не столь благополучным, как представляла официальная версия». Упорная борьба саков за свою независимость нашла свое отражение в их эпосе, отрывки которого сохранились для нас Полиени.

Взаимоотношения Ирана и Средней Азии прослеживаются также в двух статьях В. В. Струве, выявляющих развитие древнеперсидской религии («Надпись Ксеркса о дэвах и религии персов», «Родина зороастризма»). В. В. Струве самым решительным образом критикует шаблонную точку зрения, распространившуюся в последние два десятилетия, согласно которой родиной зороастризма является западный Иран и Ахемениды считаются последователями Заратушты. Вновь открытая надпись Ксеркса о «дэвах» при поверхностном изучении как будто бы подтверждает общепринятые в буржуазной литературе взгляды. Однако более углубленный анализ этого документа, проведенный В. В. Струве, показывает, что там, где постулируется тождество религиозной реформы Ксеркса с зороастрискими нововведениями, на самом деле следует усматривать лишь параллельные явления. Разрушение храмов дэвов, произведенное Ксерксом, свидетельствует о централизации религиозного культа и напоминает аналогичные мероприятия самозванца Гауматы, направленные против племенных богов. «Эти реформы, несомненно, перекликуются с зороастризмом, объявившим daiva злыми повелителями мира». В религии Ахеменидов и в Авесте, безусловно, имеется целый ряд общих черт (почитание Ахурамазды, непавильсть к дэвам, близость ритуала, один и тот же календарь, восходящий к египетскому¹). Однако имелись и различия в религиозной терминологии (например, в обозначении жрецов) и в способе погребения. Но самое главное различие заключалось в том, что «религиозная концепция, завершенная Ксерксом, заменила Заратушту царем в религиозном объединении всех персов». Личность царя заменила Заратушту, и поэтому знаменитый пророк ни разу не упоминается в надписях Дария I и Ксеркса и, в свою очередь, в Авесте ни слова не говорится об Ахеменидах.

Социальная база религиозных движений в западном и восточном Иране была различной. Религия магов, которую восприняли позднее Ахемениды, отражала интересы рабовладельческой знати. Напротив, в религии Заратушты может быть установлена сильная народная тенденция. Вполне возможно, что крупное народное движение в Маргиане (соврем. Мары), жестоко подавленное по приказу Дария I, вспыхнуло под воздействием зороастризма. Протест Заратушты против жертвоприношения крупного рогатого скота отражает экономические интересы оседлых скотоводов Ирана, которые не могли одоб-

¹ Календарная реформа была проведена в Персии в 484 г. до н. э.

рить грандиозные гекатомбы, совершаемые Ахеменидами и подрывавшие скотоводческое хозяйство.

Все эти выводы приводят к значительной переоценке сообщений Геродота о Персии и персах. Умолчание «отца истории» о Заратушtre становится теперь вполне понятным. Его данные о персидской религии вполне согласуются с памятниками Ахеменидов. В. В. Струве считает, что даже эпизоды, считавшиеся произвольными домыслами греческого автора (спор трех персов о способах правления, культ женского божества — Митры), на самом деле свидетельствуют о его значительной осведомленности. Таким образом, В. В. Струве реабилитирует Геродота и защищает его от необоснованных нападок в еще большей степени, чем это делал в свое время Ф. Г. Мищенко.

Подводя итоги, мы можем сказать, что за 37 лет своей творческой деятельности В. В. поставил и разрешил целый ряд самых разнообразных научных проблем. В значительной степени его заслугой является преодоление вредных влияний буржуазной исторической науки, в особенности реакционной теории циклизма. В. В. Струве не останавливался перед решительной борьбой с крупнейшими авторитетами буржуазной западноевропейской и американской науки (Эд. Мейером, Зете, Брестедом, Олбрайтом и др.) и опроверг немало их ложных выводов. В. В. Струве всегда выступал против некритического усвоения выводов зарубежной науки, и, как мы видели, уже в самых ранних своих работах проявлял свою точку зрения, не останавливаясь перед полемикой с «иностранными светилами». Всей своей деятельностью он поддерживал высокий авторитет советской науки.

В то же время В. В. Струве не замыкается в своей научной деятельности и не забывает о событиях, происходящих за стеклами его кабинета. В. В. Струве откликается горячо на все события, волнующие советский народ. Когда в 1936 г. была обнародована Стalinская конституция, он отметил этот исключительно важный этап в жизни нашей страны в статье «Маяк мировой революции» (ВАН СССР, 1936, № 10). Он выступает с речью на сессии Союза советских писателей, посвященной юбилею гениального грузинского поэта Шота Руставели. Он ведет беспощадную борьбу с расистскими измышлениями фашистских лжеученых (статьи и брошюры, разоблачающие антисемитизм, исследование «Арийская проблема» и т. д.).

Несмотря на огромную научно-исследовательскую работу, В. В. Струве непрерывно, в течение всей своей плодотворной деятельности, ведет и широкую педагогическую работу в Ленинградском гос. ордена Леница университете, которому присвоено имя А. А. Йданова, и в Педагогическом институте им. А. И. Герцена. Сотни студентов прослушали его содержательные и глубоко научные лекции, многие тысячи учащихся вузов Советского Союза изучают историю древнего Востока по его учебному пособию, которое было переведено на языки народов нашего Союза (грузинский и армянский). Под руководством В. В. Струве ведется систематическая подготовка кадров специалистов по языкам и истории древнего Востока, создана целая школа востоковедов, большинство которых являются учениками В. В. Струве.

Трудно в небольшой статье охватить всю разностороннюю и многогранную научную и общественную деятельность выдающегося советского ученого. Показанные выше основные этапы его творческого пути свидетельствуют о его неустанной деятельности на культурном фронте нашей страны, строящей коммунизм.

В 1935 г. Академия Наук СССР отметила его научные заслуги, В. В. Струве был избран действительным членом Академии Наук. Он становится директором Института востоковедения Академии Наук СССР. В 1945 г. Правительство наградило академика В. В. Струве орденом Ленина. Своей исследовательской и организационной работой в высшем научном учреждении нашей Родины и научно-педагогической работой в вузах Василий Васильевич Струве заслужил любовь и уважение своих сотрудников, учеников и учащейся молодежи нашей страны.

Д. Реддер и Р. Рубинштейн